

УДК 821(410).09

ВЛИЯНИЕ РАЗНЫХ ТИПОВ НАРРАТИВОВ НА ИМПЛИЦИТНЫЕ УСТАНОВКИ

© 2014

Р.Р. Гарагезов, старший научный сотрудник Центра стратегических исследований
Р.Г. Кадырова, профессор кафедры психологии
Бакинский государственный университет, Баку (Азербайджан)

Аннотация: Взяв за основу нарративный подход в разрешении конфликтов, авторы анализируют влияние различных видов повествований на изменение установок. Влияние различных типов повествования на установку измерялось посредством имплицитных методов, включающих в себя специальную методику «прайминга».

Ключевые слова: имплицитные методы, установки, конфликт, нарративы.

Роль различных типов нарративов в примирении конфликтующих сторон редко становится объектом изучения в социально-психологических исследованиях межгрупповых конфликтов. Лишь сравнительно недавно исследователи в области конфликтологии обратились к изучению роли нарративов в разрешении конфликтов, став зачинателями нарративного подхода к межэтническим конфликтам [1]. В рамках нарративного подхода конфликты рассматриваются как соперничающие друг с другом истории [2]. Как правило, конфликтующие стороны в целях обоснования собственных притязаний, стремятся создавать и распространять свои истории, часто противоречащие историям противоположной стороны. В этой связи, как полагают сторонники нарративного подхода, эффективное разрешение конфликта нуждается в определенной трансформации соперничающих историй в сторону их сближения и создания некоего общего нарратива [3]. При этом предполагается, что общий нарратив может помочь сторонам конфликта в создании общего, устойчивого и согласованного взгляда на прошлое, настоящее и будущее, что считается важной предпосылкой для гражданского мира в обществе [4].

К сожалению, нам мало известно о том, как следует структурировать нарративы, которые могли бы способствовать примирению сторон в этнополитическом конфликте. Тем не менее, мы выделили следующие виды нарративов, условно названные нами как: «общие страдания», «общие культурные черты», «виновата третья сторона» и «извинение», в качестве разновидности некоего гипотетического «общего» нарратива [5-11].

В 2010 году нами было проведено исследование влияния различных типов нарративов на межгрупповые установки в ситуации армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта. Применительно к данному конфликту были специально сконструированы нарративы. Исследование показало, что такие виды нарративов как, «Общие страдания» (нарратив № 1), «Общие культурные черты» (нарратив № 2) и «виновата третья сторона (русские)» не вызвали сколь-нибудь существенно сдвига установки, выраженной в форме социального дистанцирования, которая сохраняла высокую степень дистанцированности азербайджанцев от армян. Вместе с тем, было показано, что эти нарративы существенно влияли на эмоциональное состояние респондентов, принадлежащих категории вынужденных переселенцев и беженцев. В частности, вопреки ожиданиям, наблюдалось значительное повышение уровня негативного аффекта среди беженцев и перемещенных лиц под воздействием нарратива «общие страдания» [15]. Надо отметить, что влияние нарративов на установку (социальная дистанция) в данном исследовании изучалось посредством, так сказать, прямых измерений, то есть посредством прямых вопросов, задаваемых респондентам относительно объекта установки. В этой связи следует признать, что ситуация конфликта и, создавшийся за истекшие десятилетия с момента начала конфликта, социально-психологический климат нетерпимости¹, не-

сомненно, могут влиять на ответы респондентов и затруднять высказывания, отличающиеся от общественно «одобряемых». По этой причине в данном исследовании мы решили использовать имплицитные средства измерения установки, предложенные рядом исследователей [17, 18, 19]. При этом мы исходили из того, что в тех случаях, когда в силу тех или иных причин, субъект затрудняется открыто выразить свое отношение, вместо прямого опроса респондентов, в качестве неосознаваемого аналога сознательно выражаемых в самоотчетах установок, следует производить измерение не поддающихся сознательному контролю «спонтанных реакций».

Таким образом, в нашем исследовании мы решили проверить влияние тех же самых видов нарративов (№№ 1, 2 и 3, к которым был добавлен также нарратив № 4) на установки азербайджанских вынужденных переселенцев и непереселенцев посредством имплицитных средств измерения установки. В этой связи мы предположили, что в ситуации сохранения межэтнического конфликта, измерения «спонтанных реакций» должны также показать негативную установку по отношению к армянской стороне. Иными словами, мы ожидали, что паттерны неосознаваемых установок будут идентичными или, по крайней мере, сходными с паттернами установок, определявшимися на основе самоотчетов. В этом плане, данное исследование позволяло нам попутно проверить отношение между эксплицитными и имплицитными измерениями межгрупповых установок.

В исследовании, проводившемся в апреле-июне 2013 года, в общей сложности принимали участие 265 испытуемых (127 мужчин и 138 женщин в возрасте от 18 до 75 лет), из которых 141 внутренне перемещенных лиц (ВП), в настоящее время обитающих в различных общежитиях города Баку и 124 неперемещенных лиц (НП), также проживающих в Баку.

Исследование состоит из 2-х этапов. На первом этапе, респондентам из обеих выборок (ВП и НП) предъявлялись нарративы № 1 (N=65), №2 9(N=50), №3 (N=50) и №4 (N=50), а затем их просили по 5ти бальной шкале (1=совершенно согласен; 5=совершенно не согласен) выразить степень своего согласия/несогласия с предъявленным текстом. После этого, испытуемые переходили ко второму этапу, на котором измерялась неосознаваемая установка по отношению к армянской стороне.

Испытуемые из контрольной группы (N= 50) были подвергнуты только экспериментам второго этапа, минуя первый этап (без чтения нарративов). Измерение неосознаваемой установки производилось посредством методики «прайминга»¹, которая позволяла измерить автоматическую реакцию на образ противной стороны. А именно, респондентам на экране компьютера кратковременно, в полсекунды, одновременно предъявлялись фотография нынешнего президента Армении Саргсяна, чей образ у азербайджанцев ассоциируется с воинствующими армянами, и положительное или отрицательное слово под фотографией (*сноска снята из-за политкорректности - прим. ред.*). Респондентам говорилось, что они должны обращать внимание не на образ, появляющийся на экране, а на слова под ним и затем в следующий, также краткосрочный момент, им следует оценить положительный или отрицательный характер предъяв-

¹ Прайминг (priming), ввиду отсутствия соответствующего термина в русском языке, можно определить, как маскируемое и/или неосознаваемое инструктирование. Прайминг вообще - это представление стимула таким образом, когда он не осознается при принятии решения, объяснения поведения или решения задачи [20].

лению слова путем нажатия одной из двух клавиш на клавиатуре, соответствующих «хорошему» или «плохому».

Испытуемым предъявлялись поочередно 8 слов: 4 положительно «заряженных» слова («отзывчивый», «любовь», «доброжелатель», «дружба») и 4 отрицательных слова («распущенный», «страшный», «ненависть», «враг»). Так как временной интервал для ответа был очень маленьким (500 мс.), основной зависимой переменной в данном эксперименте было количество ошибочных ответов. Поскольку наш прайминг (образ Саргсяна), как мы предполагали, автоматически активизирует негативные ассоциации, то, это должно было вести к сравнительно малому числу ошибок в пробах с негативными словами.

Одновременно, эта же тенденция, порожденная праймингом, должна вести к сравнительно большому числу ошибок в пробах с положительными словами. Таким образом, образ Саргсяна, вызывающий значительно большее количество ошибок с положительными словами по сравнению с ошибками на отрицательных словах, будет указывать на существование сильной негативной установки. Однако нас интересовало не только и даже не столько существование негативной установки по отношению к армянам, что вполне объяснимо и ожидаемо, принимая во внимание существующие реалии (оккупация земель, наличие огромного числа беженцев и перемещенных лиц, чуть ли не ежедневные перестрелки на линии соприкосновения двух армий и т.д.), сколько то, как данная автоматическая реакция может меняться под влиянием вышеописанных экспериментальных нарративов («Общие страдания», «Общие культурные черты», «Виноваты русские» и «Извинение»).

Возможные изменения автоматической реакции респондентов под влиянием разных видов нарративов измерялись посредством статистического анализа количества ошибок. Для этого был сконструирован показатель сравнительной позитивности, который подсчитывался путем вычета суммарного количества ошибок на положительные слова из суммарного количества ошибок на негативные слова. В таблице 2 представлены результаты корреляции между различными переменными, опосредующими неосознаваемую автоматическую реакцию

Таблица 2. Корреляции между исследуемыми переменными

		1	2	3	4	5
1	Возраст		-	-	-.16**	-
2	ВП/НП			.30**	-.21**	-.13*
3	Экономическое положение				-.25**	-
4	Согласие с нарративом					-
5	Установка к Саргсяну					

Корреляция значима при уровне $*p < .05$; Корреляция значима при уровне $**p < .01$

Как видно из таблицы 2, степень согласия/несогласия коррелирует с возрастом, экономическим положением и статусом респондента. Вынужденные переселенцы, а также более молодые и экономически более стесненные респонденты в меньшей степени склонны соглашаться с предъявленными нарративами. В свою очередь, экономическое положение коррелирует со статусом респондента. Вынужденные переселенцы также относят себя значительно к более низкому уровню экономического положения. Наконец, наблюдается корреляция между статусом респондента и установкой к Саргсяну. Вынужденные переселенцы в меньшей степени проявляют негативную неосознаваемую установку в отношении Саргсяна, нежели переселенцы.

Далее, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) показал, что разные виды нарративов вызывают статистически значимые различия в степени согласия

с этими нарративами ($F = 28.3, p < .0001$). Наибольшую степень согласия вызывал нарратив № 3 («Виноваты Русские»), а наименьшую нарратив № 1 («Общие страдания»). Нарратив № 4 («Извинение») вызвал высокую степень неприятия среди вынужденных переселенцев. К тому же, статус респондента также играл значимую роль, в целом, вынужденные переселенцы в меньшей степени были согласны с текстами нарративов, чем переселенцы ($F = 9.6, p < .002$). Результаты однофакторного дисперсионного анализа приведены на рисунке 1.

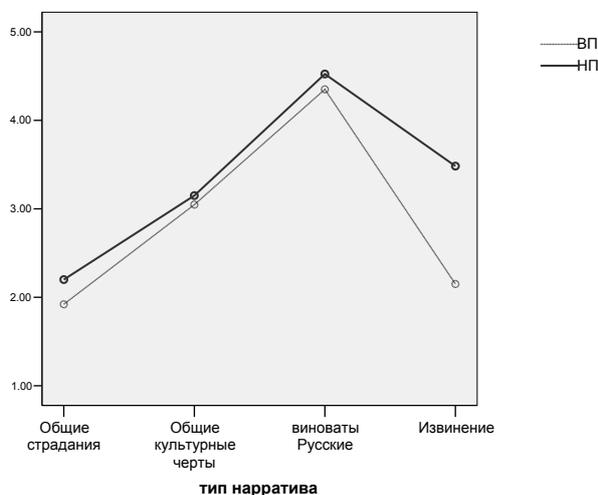

Рисунок 1. Степень согласия с разными типами нарративов респондентов из группы вынужденных переселенцев и переселенцев.

В свою очередь, на рисунке 2 представлены результаты тестов с праймингом образа армянского президента Саргсяна. Как и следовало ожидать, в основном показатели индекса позитивности носят отрицательный характер почти при всех вариантах нарративного вмешательства. Лишь в варианте с нарративом «общие страдания», наблюдался, статистически не значимый, но все же положительный индекс позитивности среди вынужденных переселенцев. Также можно отметить, что по сравнению с контрольной группой нарратив «Извинение» несколько уменьшал (хоть статически не значимо) негативную автоматическую реакцию.

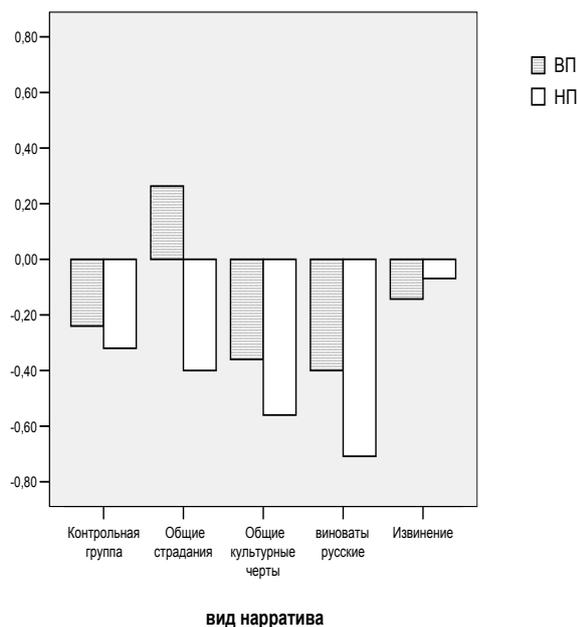

Рисунок 2. Результаты тестов с праймингом образа армянского президента Саргсяна (чем ниже число, тем негативнее отношение к Саргсяну).

Анализ полученных данных позволяет расширить наше понимание в отношении трех взаимосвязанных вопросов. Во-первых, в отношении вопроса о воздействии разных видов нарратива на установки к врагу в ситуации конфликта. Как мы видим, нарративное вмешательство не очень сильно могло воздействовать на негативные установки наших респондентов. Иными словами, данные, полученные посредством имплицитных методов измерения установок, в общем, совпадали с данными, полученными посредством эксплицитных измерений.

В этом плане, и это второй интересовавший нас вопрос, имплицитные методы измерения оказались, в целом, конгруэнтными традиционным эксплицитным методам. Вместе с тем, статистически незначимый, но все же сдвиг неосознаваемой установки в сторону уменьшения негативности, зафиксированный среди вынужденных переселенцев в варианте «Общие страдания», заслуживает внимания. Возникает вопрос, как можно объяснить данный сдвиг установок, если исходить из того, что образ Саргсяна, в силу вышеуказанных причин, неминуемо должен порождать сильные негативные ассоциации. Одно из возможных объяснений может быть связано с ролью эмоций.

Есть основания полагать, что эмоции могут играть существенную роль в сдвигах установки. Так, существуют экспериментальные исследования, указывающие на то, что гнев, например, может усиливать негативное отношение к объекту установки, в то время как, страх или тревожность, напротив, способствовать усилению примиренческих установок [22]. Поскольку в данном исследовании мы не измеряли эмоциональное состояние наших респондентов, трудно сказать, какие эмоции преобладали среди наших респондентов - вынужденных переселенцев. Однако, данные, полученные в другом нашем исследовании [15], дают нам подсказку в этом вопросе. В том исследовании, как было уже отмечено ранее, нарратив «общие страдания» вызывал наибольшую степень негативного аффекта среди беженцев и вынужденных переселенцев [15].

Исходя из этого, можно с большой долей уверенности предположить, что наши респонденты также переживали негативный аффект, который так или иначе опосредовал сдвиг установки, зафиксированный имплицитным измерением. Поскольку понятие негативного аффекта включает в себя негативное настроение и целый комплекс эмоций (гнев, вина, страх, раздражительность и т.д.), нам трудно идентифицировать более точно, какие именно эмоции могли опосредовать сдвиг установки. К тому же, если даже удастся более точно идентифицировать роль эмоций в сдвиге установки, необходимо будет объяснить данный эффект.

На данный момент мы можем лишь сформулировать эти вопросы, как нуждающиеся в дальнейшем исследовании. Наряду с измерением установки в нашем распоряжении имеется еще один показатель, отражающий отношение респондентов к разным видам нарративов – степень их согласия/несогласия с предъявленным им нарративом. Надо отметить, что данный показатель в целом соответствует индикатору эмоций, который измерялся в предыдущем исследовании. Также как наибольшую степень негативного аффекта, нарратив «общие страдания» вызывал наибольшую степень несогласия, а нарратив «виновата третья сторона – русские» вызывал наименьшую степень негативного аффекта как и наименьшую степень несогласия.

К примеру, почти все респонденты из числа вынужденных переселенцев выражали сильную степень несогласия с нарративами «Общие страдания» и «Извинение». Некоторые респонденты даже озвучивали свое несогласие с данными текстами, заявляя например: «как можно сравнивать наши их страдания, ведь мы гораздо больше пострадали- потеряли наши дома и земли...». Или например, «нельзя верить армянам... даже если один человек извиняется, это не значит, что

все армяне так думают...». Эта же реакция неприятия нарратива «общие страдания», выраженная почти в тех же выражениях о несопоставимости «их страданий» со страданиями противоположной стороны, была зафиксирована в фокус-группах, проведенных в предыдущем исследовании, что дало нам основание говорить о феномене «сравнительной жертвенности» [15].

Наконец, любопытным фактом нашего исследования является то, что нарративы, которые в наибольшей степени отвергались нашими респондентами на сознательном уровне, а именно, «общие страдания» и «извинение», снижали уровень негативной установки на бессознательном уровне. Очевидно, что когнитивные процессы переработки информации на сознательном и неосознаваемом уровнях могут не всегда совпадать друг с другом. Это хорошо известно исследователям неосознаваемых когнитивных процессов, которые, благодаря новым исследовательским методам, внедренным в последние 20 лет, сумели раздвинуть границы наших представлений о неосознаваемых закономерностях когнитивного познания. Однако, осознание эффектов нарративного вмешательства на человеческое поведение и суждение, происходящее вне сознательного контроля, открывает новые, внушающие надежды перспективы в разрешении неподатливых конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Winslade, J. Monk, G. (2000). *Narrative Mediation. A new approach to conflict resolution.* San Francisco: Jossey-Bass.
2. Cobb, S. (2004). *Fostering coexistence in identity-based conflicts: Towards a narrative approach.* In: A.Chayes, M.Minow (Eds.). *Imagine Coexistence.* San Francisco: Jossey- Bass.
3. Cobb, S. (1993). *Empowerment and mediation: A narrative perspective.* *Negotiation Journal*, 9 (3), 245-259.
4. Steiner-Khamsi, G. (1994). *History, democratic values and tolerance in Europe: the experience of countries in democratic transition.* Council of Europe Symposium, Sofia.
5. Salomon, G. (2004). *Does peace education make a difference in the context of an intractable conflict?* *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 10, 257-274.
6. Staub, E. (2005). *The roots of goodness: The fulfillment of basic human needs and the development of caring, helping and nonaggression, inclusive caring, moral courage, active bystandarship, and altruism born of suffering.* In G. Carlo & C.Edwards (Eds.), *Nebraska Symposium on Motivation: Vol.51.Moral motivation through the life span: Theory, research, applications.* Lincoln: University of Nebraska Press.
7. Vollhardt, J. R. (2009). *The Role of Victim Beliefs in the Israeli-Palestinian Conflict: Risk or Potential for Peace?* *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 15, 135-159.
8. McGraw, K. (1991). "Managing Blame: An Experimental Test of the Effects of Political Accounts." *The American Political Science Review* 85 (December): 1133-1157.
9. Govier, T., & Verwoerd, W. (2002). *The promise and pitfalls of apology.* *Journal of social philosophy*, 33, pp.67-82.
10. Nadler, A.,& Liviatan, I. (2006). *Intergroup reconciliation: Effects of adversary's expressions of empathy responsibility and recipient's trust.* *Personality & Social Psychology Bulletin*, 32, 459-470.
11. Risen, J.I., & Gilovich, T. (2007). *Target and observer differences in the acceptance of questionable apologies.* *Journal of Personality and Social Psychology*, 92, 418-433;
12. Vanyan, G (2011). *Ya veryu chto Armyane preodoleyut svoy strakh (in Russian).* URL: <http://www.novoteka.ru/r/World.CIS.Azerbaijdjan?lastdate=/2011-06-1> (последний доступ февраль, 2013).
13. Schwarz N., & Clore, G.L. *Feelings and Phenomenal Experiences.* In: A/ Kruglanski & E.T. Higgins (eds.), *Social*

psychology. Handbook of basic principles. 2nd ed.: New York: Guilford, 2007 pp.385-407;

14. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS//Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012, т.9, №4, с.91-110. С.92

15. Garagozov, R. (2012). Do woes unite foes? Interplay of narratives, memory, emotions and attitudes in the Karabakh conflict. Dynamics of Asymmetric Conflict., v.5, (2), 116-135;

16. Caucasus Barometer 2012 Caucasus Research Resource Centers URL: <http://www.crrccenters.org/caucasusbarometer/overview/>:(последний доступ сентябрь, 2013).

17. Greenwald, A.G. & Banaji, M. R. (1995). Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes. Psychological Review, 102, 4-27.

18. Payne, B.K., Jacoby, L.L., and Lambert, A.J.(2005). Attitudes as accessibility bias: Dissociating automatic and

controlled processes. In R R. Hassin, J.S. Uleman & J. A. Bargh (eds.), The New Unconscious. London: Oxford University Press.

19. DeSteno, D., Dasgupta, N., Bartlett, M. Y., & Caidric, A. (2004). Prejudice From Thin Air: The Effect of Emotion on Automatic Intergroup Attitudes. Psychological Science, 15, 319-324

20. Fazio, R., Jackson, J., Dunton, B., & Williams, C. (1995). Variability in automatic activation as an unobtrusive measure of racial attitudes: A bona fide pipeline? Journal of Personality and Social Psychology, 69, 1013-1027.

21. De Vaal, T. (2003). Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War. New-York: New-York University Press.

22. Lambert, A.J., Scherer, L.D., Schott, J.P., Olson, K, Andrews, R., Zisser, A., & O'Brien, T. C. (2010). Rally effects, threat, and attitude change: An integrative approach to understanding the role of emotion. Journal of Personality and Social Psychology, 98, 886-903.

EFFECTS OF DIFFERENT TYPES NARRATIVES ON IMPLICIT INSTALLATION

© 2014

R.R. Garagozov, Senior Fellow Center for Strategic Studies
R.H. Kadyrova, Professor, Department of Psychology
Baku State University, Baku (Azerbaijan)

Annotation: Taking the narrative approach to conflict resolution, the authors analyze the impact of different kinds of stories to change the setting. Influence of different types of narrative installation measured by implicit methods, including a special technique "priming".

Keywords: implicit methods, attitudes, conflict narratives.

УДК 37

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ И ПОДДЕРЖКИ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИЕ ВУЗЫ

© 2014

Е.В. Каргина, начальник отдела международного сотрудничества
Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы развития системы сопровождения и поддержки иностранных студентов как эффективного инструмента повышения их контингента в высших учебных заведениях Российской Федерации. В статье анализируется опыт вузов США, Великобритании и России по организации комплексного сопровождения иностранных студентов на всех этапах привлечения и последующего обучения, направленного на повышение удовлетворенности этой группы студентов пребыванием в вузе.

Ключевые слова: экспорт образовательных услуг, иностранные студенты, система сопровождения и поддержки.

Международный рынок образовательных услуг - это динамично развивающийся сектор экономики, в котором существует острая конкурентная борьба на уровне регионов, стран и отдельных вузов. Стимулирование экспорта образовательных услуг входит в приоритетные направления развития многих стран мира и рассматривается не только как источник генерирования доходов за счет обучения иностранных студентов, но и как инструмент «мягкой силы», способствующий распространению языка, культуры, институциональных образцов и стандартов страны-реципиента. Более того, в условиях возрастающей конкуренции за глобальный талант привлечение иностранных студентов позволяет странам привлечь высококвалифицированный человеческий капитал, способной генерировать инновации.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020г. доля иностранных студентов в российских вузах должна достигнуть 5%, а объем финансирования, привлеченного за счет обучения иностранных студентов – 10% от размера государственного финансирования системы высшего профессионального образования [1]. Выделение приведенного контингента иностранных студентов как основного показателя при оценке эффективности международной деятельности в рамках мониторинга Министерства образования и науки РФ привело к тому, что перед всеми российскими вузами встала задача привлечения иностранных студентов. Данное направление

работ требует особенно больших усилий от вузов, стоящих на начальной стадии интернационализации и ранее не развивавших данное направление.

В настоящий момент усилия таких вузов направлены на развитие международного маркетинга образовательных услуг и привлечения максимального количества иностранных студентов на обучение, в то время как сопровождению и поддержке иностранных студентов на всех стадиях их взаимодействия с образовательными учреждениями уделяется недостаточно внимания. Опыт вузов стран-лидеров международного образования, таких как США и Великобритания, показывает, что развитие специализированных услуг для иностранных студентов способствует сохранению контингента и повышает общий уровень их удовлетворенности пребыванием в вузе.

Отзывы и рекомендации студентов и выпускников являются одним из самых эффективных инструментов, которые влияют на принятие решения в пользу выбора того или иного учебного учреждения. Качество поддержки и сопровождения студентов имеет такое же большое значение в формировании позитивного опыта, как качество образовательных программ и кампуса. Это является особенно актуальным для иностранных студентов, поскольку они испытывают больший стресс из-за необходимости адаптироваться к новой социально-бытовой, образовательной, культурной и языковой среде. В связи с этим, стратегии интернационализации вузов должны включать совершенствование работы служб